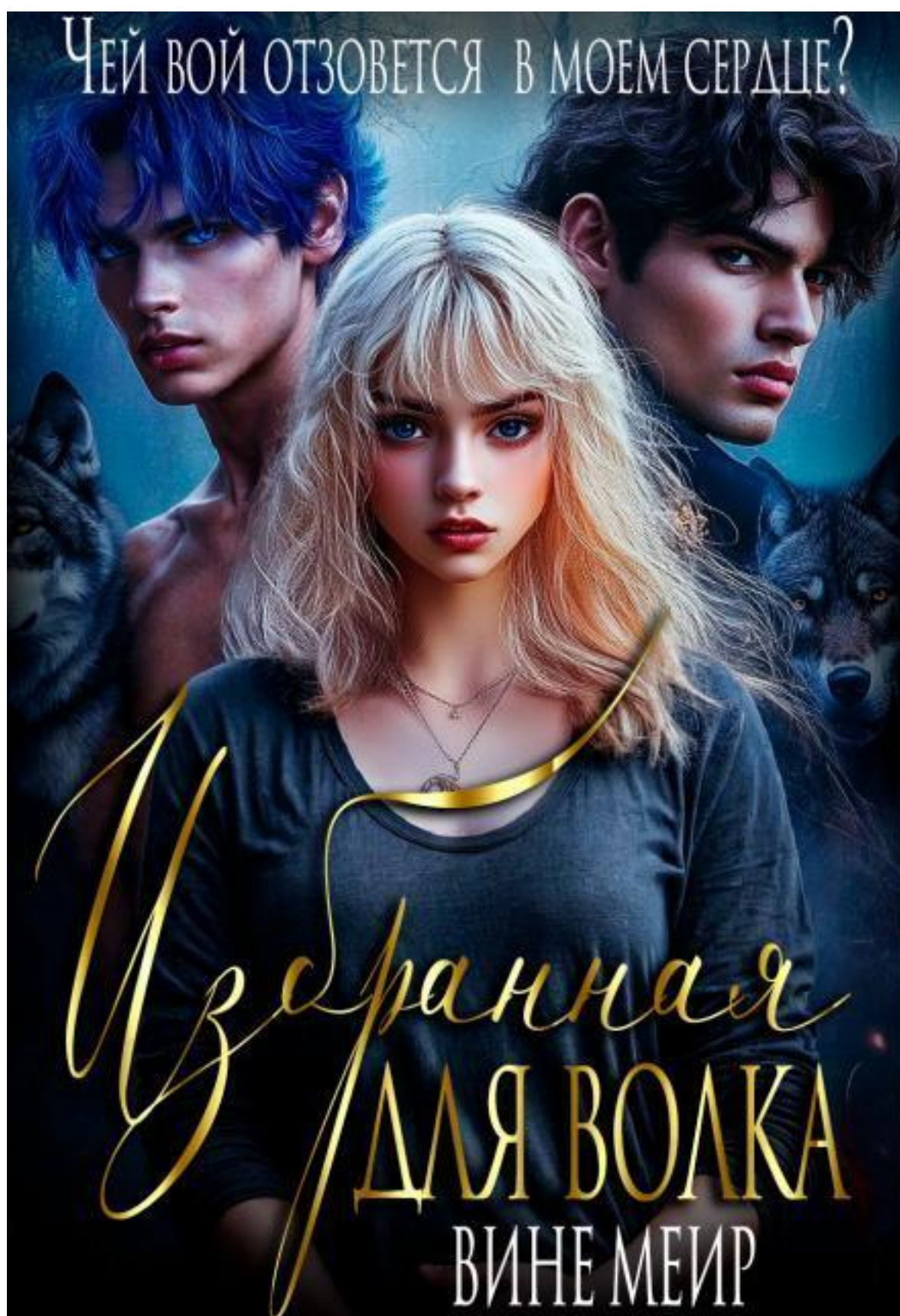

ЧЕЙ ВОЙ ОТЗОВЕТСЯ В МОЕМ СЕРДЦЕ?

Звездная
для волка
ВИННЕ МЕИР

Вине Меир

**Избранная для волка. Чей
вой отзовется в моем сердце?**

«Литнет»

2025

Меир В.

Избранная для волка. Чей вой отзовется в моем сердце? /

В. Меир — «Литнет», 2025

— Мы привезли не только еду. Нана достаёт из кармана свёрток с бинтами и бутылочки зелёнки.— Это... не много, но... Роуз осторожно берёт свёрток в зубы и кивает.— Благодарю. Я не могу сдерживать улыбки. Но радость быстро улетучивается, когда сначала я слышу чье-то дыхание позади себя, а потом легкий, но больночущий укус за зад.— Еклмн! Я резко оборачиваюсь, хватаясь за укушенное место, и вижу огромного почти полностью черного волка, что с какой-то наглой ухмылкой смотрит на меня.— Какого чёрта чувак? Ханна фыркает, стараясь не рассмеяться.— Поздравляю, тебя только что отметили как свою территорию.— Очень смешно, — ворчу я, потирая зад.— Рагнар! — рыкнул Шадоу, вышедший с той же стороны, что Роуз, — Что ты себе позволяешь?— Ровно то же, что и вы, — рычит тот басом, — Спутаться с людишками! Не удивительно, что старейшины вам не доверяют. Из тебя будет никакущий вожак!— Так. Не поняла. Вожак из него, а кусать за попу меня? — пропищала я, не давая разлиться конфликту.— Слишком уж аппетитная у тебя задница, блондиночка, не бери на свой счет! Ханна закатывает глаза так сильно, что, кажется, вот-вот увидит собственный мозг.— О боже, это волкам. Просто идеально.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	18
Глава 6	21
Глава 7	24
Глава 8	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Глава 1

Лес под Льюистауном, штат Монтана, пах осенью — грибной сыростью и прелыми листьями, чей терпкий аромат висел в воздухе густыми волнами, смешиваясь с запахом мха, разбухшего от дождей. Ханна шла впереди меня, резко раздвигая ветки, которые тут же смыкались за ее спиной, словно пытаясь отгородить нас от цивилизации. Ее движения, отточенные временем подобных вылазок, пугали меня своей безжалостной точностью — будто она сражалась не с кустами, а с невидимым противником, преграждавшим путь к цели.

— Ты уверена, что это был волк? — спросила Филлипс в пятый раз, спотыкаясь о корни. Она вообще когда-нибудь смотрит под ноги? Вот уж сомневаюсь.

В ответ я лишь сильнее впила пальцами в грубую ткань сумки с бинтами, чувствуя, как ее ремень врежется в плечо. Вчерашний снимок с фотоловушки — тот самый серый бок, мелькнувший меж деревьев, — горел в кармане как оправдание для безумия.

Будучи немногими, кого беспокоила живая природа (называйте нас зелеными человечками, если так угодно), мы с утра пораньше в выходной день отправлялись в лес. Или вечером перед сменой. Или утром после нее. В общем, как говаривала мама, качая головой у телефона: «Скоро перевезете туда диваны и микроволновку — будет вам дом под открытым небом».

— Уверена, — бросила я коротко, не вдаваясь в подробности.

Раненого зверя мы обнаружили у ручья, где вода, обычно прозрачная и звонкая, теперь струилась ржавыми прожилками, будто земля истекала железом. Это была кровь.

Волчица (теперь мы разглядели — точно самка) прижалась к валуну, покрытому лишайником, ища защиты у древнего камня. Ее задняя лапа была зажата в капкане старого образца — железная пасть с зубцами, похожими на клыки доисторического хищника, ржавевшими под слоем времени и равнодушия.

— Боже, это же запрещенный тип, — прошептала Ханна, но ее руки уже автоматически рылись в рюкзаке, доставая седатив. В уголке глаза я заметила, как дрогнула ее нижняя губа — единственный признак волнения у этой обычно непробиваемой девушки.

— Смотри аккуратнее, — произнесла я, пытаясь разрядить напряжение полуулыбкой, которая застряла где-то между иронией и страхом. — А то придется тащить до машины не только ее, но и тебя.

Переступая с камня на камень, я старалась сохранить равновесие — не столько физическое, сколько душевное. Вода журчала под ногами насмешливой мелодией, и каждый всплеск казался упреком:

«Зачем вы здесь? Это не ваша война». Но мы уже сделали свой выбор, когда решили, что чья-то боль — пусть даже звериная — важнее сухих ботинок.

Ханна присела на корточки перед волчицей, медленно протягивая шприц. Ее пальцы сжимали пластиковый корпус так крепко, что костяшки побелели, а свет фонаря, дрожащий в вечере, выхватывал из темноты остекленевшие глаза зверя. Волчица лежала в кольце опавших листьев, ее бок подрагивал с каждым прерывистым вдохом.

Зверь зарычал, но звук был слабым, прерывистым — боль и потеря крови делали свое дело, превращая рык в хриплый шепот, который затерялся в гуле почти ночного леса.

— Держи ее, — бросила Ханна мне, и я, не раздумывая, шагнула ближе, ощущая под ногами хруст сухих веток.

Мои пальцы вцепились в загривок волчицы, будто в грубую щетку. Шерсть под пальцами оказалась жесткой, колючей, пропитанной потом и страхом, смешанным с запахом металла и земли.

Укол подействовал быстро. Жидкость из шприца медленно втекла в тело, и глаза хищника помутнели, словно затянутые пеленой тумана. Веки дрогнули, и тело обмякло, оседая в

моих руках. Теперь оставалось самое сложное — разжать капкан, чьи зубцы впились в плоть глубже, чем казалось при первом взгляде.

— На-На (так можно было звать ее только мне), — резко обернулась я, чувствуя, как холодный ветерок пробежал по спине, — поддержи фонарь. Не дыши мне в затылок.

Она замерла, послушно держа фонарик чуть выше. Металл заскрипел под пальцами, ржавчина осыпалась, как старая кожа, оставляя на земле рыжие пятна.

— Почему здесь вообще такие ловушки? — прошептала Филлипс, ее голос дрогнул, словно струна, задевая тишину.

— Потому что кому-то плевать, — сквозь зубы процедила я, вонзая монтировку, что достала из сумки, между зубцами капкана. Лезвие скользнуло по металлу, высекая искры, которые на миг осветили наши лица. Попытка. Еще одна. Раздался резкий щелчок, и железные челюсти разжались, а лапа волчицы, изуродованная до мяса, высвободилась.

— Бинты, — приказала Ханна, сменяя меня, и я уже раскрывала сумку, доставая перевязочные пакеты. Кровь хлынула с большей силой чем прежде. Руки дрожали, но движения были точными — годы тренировок на курсах первой помощи не прошли даром.

— Она выживет? — спросила я Филлипс, глядя, как она уже ловко накладывает повязку.

— Если повезет, — ответила подруга, не поднимая глаз, в которых отражались блики фонаря.

— А если не повезет?

— Тогда мы хотя бы попробовали.

Вздых облегчения, теплый и неровный, вырвался из груди. Ткань бинтов хоть и пропиталась кровью, но кажется, кровотечение удалось остановить, перетянув чуть выше раны, где кожа была еще цела, бледная и холодная на ощупь.

Мы с подругой переглянулись и довольно улыбнулись, словно два ребенка, справившихся с непосильной задачей. Работа была проделана хорошо, и даже звезды, выглянувшие сквозь кроны, будто одобрительно подмигнули.

Тишину нарушил далекий хруст веток, такой громкий в этой внезапной пустоте. Мы замерли, переглянувшись, словно статуи, застывшие в полушаге, и в воздухе повисло напряжение, густое, как смола, обволакивающее каждую клеточку тела.

— Это не ветер, — прошептала Ханна, ее голос задрожал, как лист на ветру, а глаза метались по темноте, выискивая невидимую угрозу.

— Даже знать не хочу, что это... — ответила я, сжимая сумку так, что швы затрещали под пальцами, — Собери вещи... Оставь еды... Кажется, мы тут и правда не одни.

Подруга скользнула дрожащими пальцами в сумку, пошуршав упаковкой, будто пытаясь заглушить собственное дыхание. Звук рассыпался по лесу, привлекая внимание «хозяина» территории. Снова хруст веток, на этот раз ближе, и тихое рычание, просочившееся сквозь темноту, как предупреждение.

— На-На... Чуть быстрее, прошу, — я нервно слотнула комок страха, впиваясь взглядом в кусты, где шевеление стало отчетливее, как будто сама тень ожила. Пара зеленых глаз блеснула меж веток, холодных и безжалостных. Сердце пропустило пару ударов, упав в пятки, а по спине пробежали мурашки.

— Это не волк...? — прошептала Филлипс, отступая полуприсядью назад.

Глаза в темноте не мигали.

Ханна резко дернула меня за рукав, ее пальцы впились в ткань. Фонарь выхватил из мрака фигуру — высокую, сгорбленную, покрытую грубой шерстью, сливающейся с тенями, точно сама ночь обрела плоть.

— Волк... Но определенно точно покрупнее того, с которым мы имеем дело... — прошептала я, голос сорвался в шепот.

Существо зарычало — низко, грудью, как медведь, но с хриплой нотой. Я не нашла ничего лучше, как дрожащими руками достать из сумки заначку с перекусом, и в зверюгу полетела палка очищенной колбасы, описав в воздухе дугу. Рык.

— Бежим! — крикнула (больше было похоже на писк) Ханна, и она потянула меня за собой. Только тени на месте и остались как будто мы мультяшки. А пятки засверкали вдалеке.

Мы бежали так быстро, как только могли, воздух рвал легкие, а сердце колотилось, словно пыталось вырваться из груди. Плевать было, что монтировка осталась на земле, как и часть бинтов — сейчас важнее были каждые секунды. Но нам повезло, что животное не бросилось в погоню. ОООЧЕНЬ ПОВЕЗЛО, ЧТО КОЛБАСА ОКАЗАЛАСЬ АППЕТИТНЕЕ НАС!

Дверь авто хлопнула, звук металла, знакомый и спасительный. Я с облегчением выдохнула, обхватывая руль руками, липкими от пота. Сегодня мы и правда были близко к неминуемой гибели. Как никогда близко.

— Лэс... Ходу-ходу! — в панике подруга, что едва ли успокоилась на мгновение, начала трясти меня за плечо. Я машинально обернулась назад, смотря туда же, куда и она и кровь застыла в жилах.

Огромный серый волк вышел на дорогу, его шерсть отливала серебром при лунном свете, словно древний воин в доспехах. Стоял, смотрел на нас, недовольно скалясь.

Я нащупала рукой ключ в замке зажигания, металл холодный и спасительный и машина со свистом ринулась прочь.

— Ну его нахрен, я ему не колбаса!

Глава 2

— Лесли Холл! — громогласный крик босса, да еще и содержащий мое имя, заставляет замереть на месте, вцепившись пальцами в передник фартука.

— Да, сэр? — механически медленно поворачиваю на него голову. Максимально неприятный дядька. Среднего роста, коренастый, с этой барсеткой под животом, будто не владелец заведения, а барыга, случайно забредший в наше скромное кафе.

— Снова опоздание? Столики сами себя не обслужат! Или тебе так не нужна работа?

— Простите, сэр, — выдавливаю из себя, чувствуя, как кровь приливает к щекам. — Автобус сломался, а пешком я...

— Не интересно! — перебивает он, тыча пальцем в сторону зала. — Вон за тем угловым столиком сидят те самые критики из «Гастрономического обозрения». Если они останутся недовольны — ты останешься без работы. Поняла?

Губы сами собой складываются в дежурную улыбку, а пальцы нервно расправляют складки на фартуке.

— Поняла, сэр.

— И сними этот дурацкий значок! — бросает он мне вдогонку, указывая на крошечную эмблему с волком, приколотую к воротнику.

Значок... последнее, что осталось от того дня в лесу. Ханна занята подготовкой к диплому, а одна я не рискнула бы сунуться туда, где нас чуть не сожрали.

— Тут еще?

— Прошу прощения! Сейчас, сэр.

Разворачиваюсь к залу, где за столиком у окна сидят двое — мужчина с блокнотом и женщина, изучающая меню через очки в тонкой оправе. Их лица кажутся такими... обычными. Такими человеческими.

Но я-то знаю — иногда за человеческим взглядом скрываются совсем другие глаза.

— Добрый вечер, — говорю, подходя к их столику. — Готовы сделать заказ?

И ловлю себя на мысли, что машинально смотрю на их руки.

На пальцы. На то, как они держат вилки. Совершенно обычные. А мысли все возвращаются к лесу, туда, где пахло сыростью и хвоей. Где грудь дышала в полную силу. Сейчас ощущаю себя запертой в клетке.

— Добрый вечер, — женщина поднимает на меня взгляд, и её глаза — обычные, карие, человеческие — сужаются, будто улавливают мой нервный взгляд на её руках. — Вы... новенькая здесь?

Я резко отвожу взгляд, чувствуя, как под фартуком холодеют ладони.

— Да, недавно устроилась.

Мужчина откладывает блокнот, и его пальцы постукивают по обложке.

— Ага, видно. Выглядите так, будто ждёте, что мы превратимся в оборотней и сожрём вас прямо здесь! — он посмеялся. Как? Догадался, что я подумала об этом же? Городок у нас не очень большой, да я их не видела тут раньше.

Сердце замирает.

— Просто... устала.

— Ну, тогда порекомендуйте нам что-нибудь, — говорит женщина, улыбаясь. — Что-то... мясное.

— У нас отличный стейк, — автоматически отвечаю, но голос звучит чужим.

— С кровью? — мужчина поднимает бровь.

— Да... если хотите.

Они переглядываются.

— Идеально, — говорит женщина. — И... кофе. Крепкий.

Я киваю и спешу уйти, записав на страничке все, что мне было нужно.

— Так значит... хочешь вернуться в лес? — спрашивает меня Ханна. После смены, утром, приняв душ, я принимала ее у себя в гостях. Подруга любила приходить, особенно, если перед этим уточнить, что удалось стащить с работы какой-то вкусняшки, пока не видело начальство.

— Та волчица все-таки была ранена...

— А тот волк может все еще остался там. Рядом с ней. Или ее добил.

Я замерла с кружкой чая в руках, чувствуя, как горячий пар обжигает губы.

— Ты думаешь, он мог...?

— Не знаю, — Ханна откинулась на диван, закинув ноги на журнальный столик. Ее взгляд был прикован к потолку, будто там висели ответы на все вопросы. — Но если он не тронул нас тогда, может, у него были причины.

— Например? — внимательно я слушала подругу.

— Например, он знал, что мы пытались помочь.

Я фыркнула, поставив кружку так резко, что чай расплескался через край.

— Очень мило. Только вот оборотни из сказок не благодарят людей, Ханна. Они их едят. Она повернула голову, и в ее глазах мелькнуло что-то... странное.

— А кто сказал, что он оборотень?

Тишина повисла между нами, густая и неловкая.

— Ты что-то знаешь? — спросила я, чувствуя, как по спине пробежали мурашки.

Филлипс медленно поднялась, подошла к окну и раздвинула шторы. Улица была пустынна, залитая желтым светом фонарей.

— Вчера, пока ты была на работе, я зашла в библиотеку. Проверила старые газеты.

— И?

— В этом лесу... пропадают люди. Уже лет пять. Всегда в полнолуние.

Я застыла.

— И ты только сейчас решила мне об этом сказать?! Сколько раз мы там блуждали? — почти что прокричала я на подругу.

— Я не хотела пугать тебя раньше времени. Но теперь... — она обернулась, и ее лицо было серьезным, как никогда. — Все еще хочешь пойти в лес?

— Это просто...

— Совпадение? — Ханна усмехнулась.

— Нет, не совпадение, — прошептала я, сжимая кулаки так, что ногти впились в ладони. — Но если там правда что-то происходит... мы не можем просто сидеть, сложа руки.

Ханна вздохнула и провела рукой по волосам, оставляя их растрепанными.

— Лэс, ты слышала себя? «Не можем сидеть сложа руки»? Это же не какой-то брошенный щенок, которого можно приютить! Волки! Лес! Там пропадают люди!

Я резко встала, опрокинув стул.

— Именно поэтому! Если мы знаем, но ничего не делаем — мы почти такие же, как те, кто ставит эти чертовы капканы!

Тишина.

Ханна смотрела на меня широко раскрытыми глазами, будто впервые видела.

— Ты... серьезно.

— Да.

— Даже если это опасно?

— Особенно если это опасно.

Она медленно кивнула, потом неожиданно ухмыльнулась:

— Ладно. Но только если возьмем огнемёт.

Я закатила глаза:

— У тебя есть огнемёт?

— Нет. Но у моего двоюродного брата в гараже есть баллон с пропаном и паяльная лампа.

Это было так по-хановски, что я невольно рассмеялась. Напряжение немного спало. Подруга. Потому она и моя лучшая, что всегда, какую бы глупость я не придумала — идет со мной до конца.

— Ладно, — вздохнула я. — Но сначала давай выясним, что там на самом деле происходит. Может, это просто...

— Огромные волки-людоеды? — подсказала Ханна.

— ...или браконьеры, — закончила я, игнорируя ее придумки. — Но вот, окей. Допустим, ты права. Что мы можем сделать?

Ханна ухмыльнулась:

— Во-первых, перестать вести себя как героини дешёвого хоррора. Никаких «ой, пойдём ночью в лес одни».

— Ага, только с пропановой лампой, — я закатила глаза.

— Именно! — она ткнула пальцем в воздух. — Во-вторых, если там не браконьеры — значит, нам нужен кто-то, кто знает лес лучше нас.

Я насторожилась:

— Кто, например?

— Старый Шон.

— Что?! — я чуть не поперхнулась чаем. — Тот самый Шон, который живёт в трейлере на окраине и утверждает, что видел НЛЮ?

— Он же тридцать лет работал егерем, Лэс. И он единственный, кто выходит в тот лес после заката. Но если у тебя есть другая идея...

— Есть. Наберем еды, которой будем отбиваться, вооружимся и сходим туда днем. Не могу спать, пока есть что-то, чего не дается моему мозгу. А сейчас я думаю о тех ловушках и нашей жертве.

Глава 3

После обеда, когда солнце уже перестало так сильно припекать — мы направились в лес. Конечно, огнемёт мы не взяли, но пару баллончиков с газом, еды про запас, чтобы отбиваться от волков (как я и говорила), и воду, взяли.

Мы шли по знакомой тропинке, но сегодня лес казался другим — деревья стояли плотнее, словно сдвинулись за эти дни, а воздух пах не прелыми листьями, а чем-то... металлическим.

— Ты чувствуешь это? — прошептала Ханна, замедляя шаг.

Я кивнула, сжимая баллончик с перцовкой в потной ладони.

Тишина.

Слишком тихо.

Ни птиц, ни шелеста листьев — только наши шаги, хрустящие по веткам, словно мы были единственными живыми существами в этом внезапно онемевшем лесу.

— Ручей должен быть вон за тем поворотом, — показала я, стараясь говорить как можно тише, будто боясь разбудить что-то, что лучше оставить спящим.

Мы остановились на краю поляны, озаренной едва пробирающимися лучами солнца.

Вода все так же текла ржавыми струйками, но волчицы нигде не было видно, будто она испарилась, растворилась в воздухе.

— Смотри, — Ханна ткнула пальцем в землю, и я наклонилась, чтобы разглядеть.

Следы. Огромные, с глубокими вмятинами от когтей. Они вели вглубь леса, туда, где деревья смыкались в непроглядную стену, словно приглашая нас войти в темный, неизведанный мир. Нет. Пас. Не особо хочется.

— Это не волк? — прошептала я, чувствуя, как сердце замирает в груди. — Может, медведь?

— Давай вернемся, — схватила меня за руку Ханна, и в ее голосе явно звучала паника.

Но было уже поздно.

Из чащи донесся хруст веток — слишком громкий для зверя, слишком тяжелый для человека, будто кто-то огромный и неуклюжий продирался сквозь заросли. Яркие глаза смотрят на нас, сверкая из полумрака тени деревьев, словно два уголька, подожженных неведомой силой. Но прежде чем мы сделали шаг назад, из-за этой громадины вышла «наша» волчица.

Рана уже почти затянулась, что было удивительно, ведь прошло не так уж много времени. Она посмотрела на волка, а потом на нас и неспешно подошла, будто давая нам время осознать происходящее. Сердце в груди забыло, как стучать, и упало куда-то в пятки, оставив после себя лишь пустоту и холод.

— Не шевелись... — произносит подруга, и ее голос звучит так тихо, что я едва различаю слова. А как тут пошевелишься, когда каждая клеточка тела кричит о том, что лучше замереть и не дышать?

— Я вас не обижу... — заговорила волчица человеческим голосом, и я шарахнулась назад, споткнулась о корень и упала на пятую точку, чувствуя, как земля холодная и влажная под мной.

— Твою мать! — вырвалось изо рта само собой, потому что мозг отказывался обрабатывать происходящее.

— Я под галлюциногенными? — спрашивает Ханна, широко раскрыв глаза. — Или эта волчица сейчас говорила?

— Роуз... нам запрещено говорить с людьми! — предупреждающе прорычал громадина, выходя из тени, и теперь я могла разглядеть его во всей красе.

Огромный волк действительно оказался тем самым серым исполином, которого мы видели в прошлый раз. Только теперь он стоял прямо перед нами, и я могла разглядеть шрамы на его морде, будто следы давних битв.

— Они помогли мне, Шадоу, — ответила волчица — Роуз — поворачивая к нему голову. Ее голос звучал глуховато, но отчетливо, будто она говорила сквозь какую-то преграду. — Они заслужили по крайней мере мою благодарность.

Ханна медленно присела рядом со мной, не сводя глаз с говорящих волков, и я видела, как ее пальцы сжимают край моей куртки.

— Окей, — прошептала она. — Значит, мы не галлюцинируем.

Роуз фыркнула — почти как смех:

— Вы не галлюцинируете.

— Но вам лучше уйти, — добавил этот Шадоу, и его голос звучал как низкий гул, — Если кто-то узнает о том, что мы с вами говорили... Превратитесь в ужин для стаи.

— Оке-е-й, — протянула я, чувствуя, как голос дрожит. — Мы уходим.

Роуз рыкнула на того.

— Ты их пугаешь!

— А ты нарушаешь правила, — предупредил тот, и в его глазах вспыхнуло что-то опасное.

— Ну, так сдай меня как обычно!

— Мы попали в какую-то семейную перепалку? — спрашиваю у подруги, но та пожала плечами и ответила:

— Может, правда, уйдем? Пока они отвлеклись...

Мы начали пятиться назад, стараясь не привлекать внимания, но в этот момент Роуз резко повернула голову в нашу сторону.

— Подождите!

Ее голос прозвучал так резко, что мы замерли на месте, будто вросли в землю.

Шадоу нахмурился (если волки вообще могут хмуриться) и недовольно зарычал:

— Роуз...

— Они уже знают о нас, — прошипела она в ответ. — И если мы не объясним им, что происходит, они вернутся сюда с оружием. Или с теми, кто сделает с нами то же, что и с остальными.

Она подошла ближе, и я почувствовала, как по спине пробежал холодок.

— Вы правы, — тихо сказала я, хотя разум кричал, что нужно бежать. — Мы не уйдем, пока не поймем. Или точно приведем кого-то...

Ханна ахнула:

— Ты серьезно?! Болтать с ними?! Они же только что сказали, что нас съедят!

— Но они не стали, — я указала на Роуз. — Она могла. И он — тем более. Еще в прошлый раз. Но они разговаривают с нами. Что вообще-то очень странно... и мне кажется, что я сошла с ума.

Шадоу тяжело вздохнул, и его массивная грудь поднялась, будто он нес на себе невидимый груз.

— Вы упрямы. Как она.

Роуз оскалилась в ухмылке:

— Значит, объясним?

— Объясним, — согласился он нехотя.

И тогда волчица села перед нами, как собака, и начала говорить:

— Мы с Шадоу, как и немногие выжившие, принадлежим древнему роду волков, что обитали в этих краях задолго до прихода человека. Но сейчас... из-за того, что в лесу появились чужаки, стало меньше еды и...

— Браконьеры расставили ловушки... — поймала я волну, и волчица кивнула.

— Стало сложнее добывать еду, потому нам приходится уходить все дальше от дома.

— Но это не просто браконьеры, — перебил Шадоу, его желтые глаза сузились. — Они приходят с металлическими ящиками, берут нашу кровь...

Роуз нервно облизнула морду:

— В прошлое полнолуние они поймали нашего младшего брата. Когда мы нашли его...

Она замолчала, шерсть на загривке встала дыбом. Что-то точно нехорошее... чую что-то нехорошее!

— Его шкура висела на дереве, — закончил за нее Шадоу глухим голосом. — А на шее был такой же ошейник, как у лабораторных собак. С биркой и номером.

Ханна побледнела:

— Вы хотите сказать, что кто-то... экспериментирует над вами?

Роуз кивнула.

— Сначала мы думали — обычные охотники. Но потом заметили: они приходят всегда в новолуние, когда мы слабее. И берут только молодых и сильных.

Я почувствовала, как по спине побежал холодок.

— Ужас... Что мы... — Ханна начала говорить, но я ее перебила:

— Мы что-то можем сделать?

Волчица косо посмотрела на мою сумку, где лежала еда.

— Более взрослые волки могут охотиться сами, но молодняк... им постоянно нужна еда. Иначе не вырастут... — Шадоу, на мой вопрос, подал голос первым.

— Тогда... — я достала из сумки свертки с мясом, — Почему бы нам не покормить их, верно?

Глава 4

— Ты спятила. И я спятила... — Ханна помогает мне накладывать куски мяса, завернутые в бумагу, в тележку, и её руки слегка дрожат. Мы всегда покупали его на рынке — просрочку и то, у чего выходит срок хранения, потому что это гораздо дешевле, чем если брать свежее в магазине. Что получше, оставляли себе, а остальное отвозили в приюты для животных или оставляли в лесу, бросая подальше от тропинок, чтобы никто не нашёл. Конечно, не обошлось и без просто громадного мешка собачьего корма — самого дешёвого, но всё же питательного. Они сказали — молодняк нуждается в еде. Это самое то для них.

— В следующий раз возьмём ещё консервов, — бормочу я, протискивая между пакетов коробку с витаминами, которые, возможно, им помогут. — И антибиотики бы не помешали...

Ханна резко хватает меня за локоть, её пальцы впиваются в кожу:

— Ты вообще понимаешь, что мы делаем? Это же...

— Безумие? — договариваю я, намеренно громко звякая банками, чтобы заглушить её голос. — Да. Но ты видела её глаза. Это не просто звери. Они...

Продавец из-за прилавка бросает на нас любопытный взгляд, и Ханна натянуто улыбается, понижая голос до шёпота:

— Они могут быть мутантами. Или заразными. Или...

— Или последними представителями чего-то, что мы даже не в состоянии понять, — так же тихо отвечаю я, разглядывая этикетку на банке с тушёнкой. — Они просят только еды и лекарств. На-на. Не золота, не оружия... Это то, чем мы занимались. Как и прежде, так и сейчас — помогаем.

Тележка скрипит под тяжестью груза, и колёса едва проворачиваются. На кассе кассирша поднимает бровь, медленно проводя сканером по очередной банке:

— Собачек завели?

— Ага... Волков, — неожиданно для себя бросаю я, и Ханна тут же давит мне на ногу так сильно, что я едва сдерживаю вскрик.

— В смысле, хаски! — быстро поправляется она меня, нервно хихикая. — Очень похожи на волков, да?

Кассирша смотрит на нас с недоумением, но всё-таки пробивает заказ. Это слишком подозрительно даже для нашего мозга. А уж что для неё?

Закончив с покупками, мы вываливаем пакеты в багажник. Ханна хлопает крышкой с такой силой, что машина подпрыгивает на амортизаторах.

— Ты хоть представляешь, чем это может закончиться?

Я достаю из кармана смятый листок — карту, которую Роуз нарисовала когтем на обрывке нашей же салфетки. Линии неровные, но понятные: поворот у старого корявого дерева, тропа вдоль ручья, чёрный камень, покрытый мхом.

— Они ждут нас у чёрного камня. Только до заката.

Ханна закусывает губу, потом резко открывает дверь и плюхается на сиденье:

— Господи, я ненавижу тебя.

— Знаю.

— Но чертовски люблю!

— Знаю... И... спасибо тебе... На-на, правда.

— Да что уж там! — махнула та рукой, поправляет на себе ремень. — Но когда я предложу тебе влезть во что-то чрезмерно опасное — обязательно отплатишь мне той же монетой.

Я ухмыляюсь, а потом поворачиваю ключ в зажигании.

— Обещаю.

Дорога занимает меньше часа. Мы оставляем машину в полукилометре и идём пешком, волоча за собой перевязанные верёвками пакеты.

Лес снова встретил нас неестественной тишиной. И тремя парами горящих глаз в сумерках.

— Вы пришли, — раздаётся знакомый хрипловатый голос.

— Мы же обещали...

— И одни? — спрашивает волчица, выходит из-за дерева. За ней — двое поменьше, подростки по меркам стаи.

— Как и обещали, — ответила я, — Мы не из тех, кто наушает слово.

— И за это я ее терпеть не могу, — вставила свои пять копеек Филиппс.

— Хорошо, — кивает Роуз и подходит ближе.

— Всё, что смогли, — ставлю пакеты на землю. — Зарплата через пару дней, так что думаю... сможем найти еще антибиотики и по мелочи.

Один из молодых не выдерживает и бросается к еде, но Роуз рычит, останавливая его на полпути.

— Коди, терпение! Кого учили?

Тот скулит за то, что отругали и прижимается к земле, поджав хвост.

— Простите его, — говорит второй подросток, робко подходя ближе. — Он ещё не научился контролировать голод после... после того, как люди... забрали его мать.

Я чувствую, как у меня сжимается горло. Ханна первая нарушает тягостное молчание:

— Мы привезли не только еду.

Она достаёт из кармана свёрток с бинтами и бутылочки зелёнки.

— Это... не много, но...

Роуз осторожно берёт свёрток в зубы и кивает.

— Благодарю.

Я не могу сдерживать улыбки. Но радость быстро улетучивается, когда сначала я слышу чье-то дыхание позади себя, а потом легкий, но больночий укус за зад.

— Ебтвоуж!

Я резко оборачиваюсь, хватаясь за укушенное место, и вижу огромного почти полностью черного волка, что с какой-то наглой ухмылкой смотрит на меня.

— Какого чёрта чувак?

Ханна фыркает, стараясь не рассмеяться:

— Поздравляю, тебя только что отметили как свою территорию.

— Очень смешно, — ворчу я, потирая зад.

— Рагнар! — рыкнул Шадоу, вышедший с той же стороны, что Роуз, — Что ты себе позволяешь?

— Ровно то же, что и вы, — рычит тот басом, — Спутаться с людишками! Не удивительно, что старейшины вам не доверяют. Из тебя будет никакущий вожак!

— Так. Не поняла. Вожак из него, а кусать за попу меня? — пропищала я, не давая разлиться конфликту.

— Слишком уж аппетитная у тебя задница, блондиночка, не бери на свой счет!

Ханна закатывает глаза так сильно, что, кажется, вот-вот увидит собственный мозг.

— О боже, это волк-хам. Просто идеально.

Роуз вздыхает, проводя лапой по морде:

— Рагнар, мы договорились. Они помогают.

Чёрный волк фыркает, демонстративно облизывая клыки:

— Помогают? Им что, больше нечем заняться, кроме как таскаться по лесу с собачьим кормом?

— А тебе, видимо, нечем заняться, кроме как кусать незнакомых девушек за задницы, — огрызаюсь я, всё ещё потирая укушенное место.

Рагнар наклоняет голову, ухмылка становится ещё шире:

— Ну, если ты настаиваешь, могу и за другое укусить.

— Рагнар! — Шадоу внезапно бросается вперёд, сбивая наглеца с ног.

Два матёрых волка с рычанием катаются по земле, поднимая клубы пыли.

— Охренеть, — шепчет Ханна. — Они реально дерутся, как школьники на перемене.

Роуз смотрит на эту сцену с выражением глубокого разочарования:

— И один из них наш будущий вожак.

— Будущий что? — переспрашиваю я.

— Ничего, — резко обрывает она.

Тут раздаётся негромкий треск веток — и из кустов вываливается маленький волчонок, еще совсем щенок, таща в зубах... мою же кофту, которую я, видимо, уронила, когда мы шли сюда. Повесила ее на один из пакетов и не заметила, как соскочила.

— Лекс... что ты тут делаешь? Вам запрещено покидать поселение!

Маленький волчонок гордо подходит ко мне и тычется мордой в ноги.

— Оу... спасибо? — осторожно забираю вещь.

Лекс тут же плюхается на землю и начинает радостно вилять хвостом.

— Я же со взрослыми! Так что можно! — гордо заявил тот своим детским голосочком.

Рагнар, тем временем, выходит из схватки с разбитой губой, но всё так же ухмыляется:

— Ладно, блондиночка, может, ты и права. Прости, если что.

— «Если что»? — Ханна скрещивает руки. — Ты ей чуть полжопы не откусил!

— Ну, не чуть, — Рагнар потягивается. — Я аккуратный.

Шадоу рычит, но Роуз резко поднимает голову:

— Хватит. Оба!

А потом прижалась к земле. Шерсть странно скатывается. Слышится неприятный хруст костей, и вот уже через мгновение, брюнетка встает на две ноги.

— Охренеть... — вырывается у меня, когда я вижу, как Роуз буквально на глазах превращается в человека.

Ханна застыла с открытым ртом, а маленький волчонок Лекс радостно подпрыгивает вокруг своей «сестры»:

— Роуз самая крутая! Она может в обе стороны!

Зеленоглазая девушка (уж теперь точно девушка) ловко прикрывается пакетом и поправляет спутанные волосы.

— Что? Не ожидали? — усмехается она, и в её голосе слышится едва уловимая гордость. — Я и не такое умею.

Ханна, всё ещё слегка шокированная, неуверенно спрашивает:

— Так... вы все умеете... это?

Шадоу медленно подходит ближе, и я замечаю, как его тело тоже начинает меняться. Через несколько секунд перед нами стоит высокий парень с жёлтыми, как у волка, глазами и коричневыми волнистыми волосами. Но в отличие от Роуз, на нем хотя бы есть штаны.

— Не все, — говорит он, довольно хмыкнув, — Только те, кто прошёл обучение и обряд посвящения. Это отнимает много сил, времени, а главное, по первой это не очень приятно. Роуз только недавно научилась обращаться, потому не может контролировать... всех деталей (это он так о одежде выразился?). И только на пару часов...

Рагнар, всё ещё в волчьем облике, фыркает:

— Да кому нужна эта ваша человечья форма?

— Тем, кто хочет выжить, — резко отвечает Роуз. — Идёмте с нами, — Роуз кивает в сторону тёмного леса, явно обращаясь к нам. — Раз уж вы доказали, что вам можно доверять, я хочу представить вас старейшинам...

Ханна хватается меня за руку:

— Погоди-ка! «Представить старейшинам»? А что, собственно, будет, если они решат, что нам НЕЛЬЗЯ доверять?

Роуз задумывается на секунду, потом пожимает плечами:

— Ну... вы же уже знаете наш секрет. Так что...

— Так что нам конец? — достраиваю я, чувствуя, как по спине пробегает холодок.

— Ой, да ладно вам! — неожиданно вмешивается Рагнар, снова показывая оскал. — Если бы мы хотели вас убить, давно бы уже сделали это. Хотя... — он игриво щёлкает клыками в мою сторону, — Некоторые части я бы всё же оставил на память.

— Заткнись уже, — фырчит Шадоу, но в его голосе слышится скорее усталость, чем злость.

Роуз мягко улыбается и делает шаг вперёд:

— Не бойтесь. Вы помогли нам — мы поможем вам. (это интересно знать чем? Добавить еще проблем?) Но... — её взгляд становится серьёзным, — что бы вы ни увидели там — это должно остаться между нами. Договорились?

Ханна и я переглядываемся. В её глазах читается та же смесь страха и любопытства, что и у меня.

— Договорились, — хором отвечаем мы.

Роуз кивает и поворачивается к тропе. Она делает шаг в сторону леса, но тут Лекс вдруг вцепляется мне в ногу:

— А можно я с ними пойду? Они же хорошие!

Роуз вздыхает:

— Лекс...

— Пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста! — щенок начинает так яростно вилять хвостом, что кажется, вот-вот взлетит.

— Ладно, — наконец сдаётся она. — Но только если будешь слушаться.

Лекс тут же садится и старательно поднимает лапу:

— Клянусь!

Рагнар качает головой:

— Ну всё, теперь точно конец.

— Заткнись, — говорит Шадоу, но в его голосе нет злости.

Роуз поворачивается к лесу и делает шаг вперёд. Мы с Ханной переглядываемся и следуем за ней.

Лекс бежит впереди, то и дело оглядываясь, чтобы убедиться, что мы идём за ним.

— Вы не бойтесь, — говорит он своим детским голоском. — Старейшины строгие, но добрые. Ну... почти все...

— Обнадёживающе, — бормочет Ханна.

Глава 5

Мы идём по узкой тропинке, которая становится всё темнее с каждым шагом. Ветви деревьев сплетаются над головой, словно пытаясь отгородить нас от внешнего мира.

— Эй, а почему мы не можем просто... ну, *поговорить* здесь? — неуверенно спрашивает Ханна, оглядываясь на Рагнара, который идёт позади нас.

Роуз, всё ещё в человеческом облике, оборачивается:

— Потому что старейшины не покидают священного камня.

— Священного... камня? — я переспрашиваю, чувствуя, как Лекс прижимается к моей ноге, чуть не спутывает их, я спотыкаюсь, но вовремя ловлю равновесие, продолжая идти.

— Да. Место силы. — Шадоу, шагающий впереди, говорит так, будто это очевидно. — Там мы принимаем важные решения.

— Ага, типа «съесть этих двух девушек или оставить на закуску», — бормочет Ханна себе под нос.

— Я слышу тебя, — смеется Рагнар по своему.

— А ты не подслушивай! — кинула ему я.

Мы шли почти с час, петляя то туда, то сюда. И, если нам придется бежать — точно не найдем дороги обратно. Ханна тоже это подметила. Я видела, как она все время оглядывается, пытается подметить ориентиры, но тут каждое дерево похоже на другое.

Тропа внезапно расширяется, и перед нами открывается поляна. В центре — огромный чёрный камень, покрытый мхом и странными, будто выжженными, узорами. Вокруг него сидят три фигуры.

Один — седой старик с жёлтыми, как у Шадоу, глазами. Второй — женщина с тёмными волосами до пояса и шрамом через лицо. Третий...

— Охренеть, — вырывается у меня.

Третий — огромный волк, размером с медведя. Он сидит, как человек, скрестив передние лапы, и смотрит на нас с холодным, изучающим взглядом.

— Это... — Ханна сглатывает. — Это тоже кто-то в человеческой форме?

— Нет, — тихо говорит Роуз. — Это старейшина Гарм. Он... никогда не принимал облик человека.

— Потому что не вижу в этом смысла, — раздаётся низкий, хриплый голос.

Я вздрагиваю. Волк говорит. Никак не привыкну. Да и когда там, когда события разворачиваются с невероятной скоростью?

— Вы привели людей к священному камню, хотя знаете, что нам запрещено иметь с ними контакт, — продолжает Гарм, и его голос звучит так, будто исходит не из пасти, а из самой земли. — Почему?

Роуз опускается на одно колено:

— Они помогли нам. Сначала спасли меня. А теперь... Принесли еду и лекарства.

Женщина со шрамом встаёт и медленно обходит нас, будто изучая:

— Люди не помогают просто так. Что им нужно?

— Ничего! — выпаливаю я, чувствуя, как Лекс прижимается ко мне ещё сильнее. — Мы просто...

— Лжёшь, — перебивает Гарм. Его глаза горят в темноте. — Все чего-то хотят. Особенно люди! Они жадные... им всегда мало...

Ханна внезапно выдыхает и поднимает голову:

— Ладно, да, мы хотим кое-что.

— На-На! — шиплю я.

— Мы хотим знать правду, — продолжает она, игнорируя меня. — О вас. О том, что происходит в этом лесу. О пропавших людях.

Тишина.

Старик с жёлтыми глазами медленно поднимается:

— Ты смелая. Глупая, но смелая.

— Спасибо, — хмыкает Ханна.

— Почему мы должны вам доверять? — рычит Гарм.

— Потому что мы уже знаем слишком много, — говорю я, чувствуя, как сердце колотится в груди. — И если бы мы хотели вас предать, мы бы уже это сделали. Да, может, нам и не стоило возвращаться. Но мы с Наной... Ханной... Уже привыкли влипать в неприятности, пытаюсь помочь жив... животным.

Не знаю, сочтут ли они мои слова расистскими, но по другому я выразиться не смогла.

Женщина со шрамом переглядывается со старейшинами, потом кивает:

— Пусть останутся. Уже поздно. Но только на одну ночь.

— Одну ночь, — соглашается Гарм. — Завтра на рассвете вы уйдёте. И забудете дорогу сюда.

Лекс вдруг выскакивает вперёд:

— Но они же хорошие!

— Молчи, щенок, — рычит Гарм, но в его голосе нет злости.

Роуз кладёт руку мне на плечо:

— Идёмте. Я покажу вам, где можно переночевать.

Мы отходим от камня, и тут Лекс дёргает меня за штанину, заставляя опустить голову вниз:

— Не бойтесь Гарма. Он ворчит, но он добрый.

— Добрый? — переспрашивает Ханна. — Этот... гигантский говорящий волк-убийца?

— Ну да! — радостно виляет хвостом Лекс. — Он мне как дедушка!

Я смотрю на Роуз:

— Он... что, правда?

Она улыбается:

— Увидите сами.

Мы прошли еще немного, по такой же узкой тропе, минуя небольшой проход из камней, и пред нами открылся вид на небольшое поселение. Оно оказалось удивительным местом — полуразрушенные каменные сооружения, поросшие мхом, соседствовали с аккуратными деревянными хижинами. В воздухе витал запах хвои и дыма от костров. Где-то бродили волки, где-то люди в потрепанных одеждах.

— Это... ваш дом? — осторожно спрашиваю я, разглядывая странную смесь древних руин и современного быта.

Роуз кивает:

— Да. Когда-то здесь было святилище наших предков. Теперь мы живем среди этих камней.

Ханна крутит головой, словно пытаясь запечатлеть каждую деталь:

— И все это время это было прямо в лесу? Как же никто не нашел...

— Находили, — хмуро отвечает Шадоу. — Но те, кто видел слишком много, либо забывали дорогу сюда, либо...

— Либо становились частью леса, — досказывает Рагнар, облизывая клыки.

Я невольно вздрагиваю.

— Так вот куда пропадают люди, — шепчет Ханна.

Роуз резко оборачивается:

— Нет! Мы не убийцы.

— Но тогда почему...

— Это не мы, – прерывает ее Шадю. Его желтые глаза горят в темноте. – В лесу есть нечто похуже нас. Не считая конечно тех, кто объявил на нас охоту.

Тишина. Даже Лекс перестал вилять хвостом.

— Что... что это? – спрашиваю я, чувствуя, как по спине бегут мурашки.

Роуз и Шадю переглядываются.

— В другой раз, – наконец говорит Роуз. – Сейчас вам нужно отдохнуть.

Она ведет нас к небольшой хижине, скрытой за древними камнями. Внутри – два грубых, но чистых ложа из шкур и травяная подстилка.

— Здесь будете спать. Не выходите ночью, что бы ни услышали.

— А что мы можем услышать? – не унимается Ханна.

Роуз улыбается, но в ее глазах – тревога:

— Надеюсь, ничего.

— Роуз... — я подала голос.

— Не стоит поднимать шума. Просто... не все здесь довольны тем, что я привела в поселение людей. Спокойной ночи.

Она уходит, оставляя нас в полумраке хижины.

Ханна плюхается на шкуры:

— Ну и день.

— Ты это про волков-оборотней, говорящего волка-гиганта или про то, что в лесу есть что-то «похуже»? – спрашиваю я, садясь рядом.

— Да, – вздыхает Ханна.

Мы замолкаем. Снаружи доносится вой – но не волчий, а какой-то... неестественный.

— Нана...

— Я слышу, – шепчет она.

Лекс вдруг просовывает морду в дверь:

— Можно я с вами?

Я киваю, и щенок радостно запрыгивает к нам, сворачиваясь калачиком между нами.

— Не бойтесь, – шепчет он. – Я вас защищу.

Его детская уверенность заставляет меня улыбнуться.

— Спасибо, малыш.

Ханна гладит его по голове:

— Ты же знаешь, что там, в лесу, да?

Лекс замирает, потом тихо говорит:

— Да. Но старейшины запрещают говорить об этом.

— Почему?

— Потому что... – он замолкает, услышав новый вой снаружи. – Потому что *она* слушает.

Мы переглядываемся с Ханной.

Завтра. А может и нет, может и чуть позже, но мы узнаем правду. Или она узнает нас.

Глава 6

Ночью мне совсем не спалось. Ворочалась на жёсткой «постели» из сена и шкур, пытаюсь хоть как-то заглушить калейдоскоп мыслей в голове. Но черт побери, КАК это сделать, когда вокруг происходит столько немыслимого? Когда ещё вчера твоя жизнь была обычной, а сегодня ты сидишь среди оборотней, и один из них уже успел оставить следы зубов на твоей пятой точке?

Поднимаюсь с места, стараясь не разбудить Ханну — она сладко спит, обняв маленького волчонка, который умудрился устроиться у неё под мышкой, как плюшевая игрушка. Стою, смотрю на них и невольно улыбаюсь. Какая идиллия, чёрт возьми. Вдыхаю и выхожу на улицу. Надо проветрить голову, иначе сойду с ума.

Ночной воздух свеж и прохладен, звёзды кажутся невероятно близкими, а луна освещает поляну мягким серебристым светом. Первым, на кого падает мой взгляд, оказывается Шадоу. Он сидит у потрескивающего костра в центре поляны, методично подбрасывая в огонь сухие ветки. Его профиль в этом свете выглядит особенно резким, а жёлтые глаза отражают пламя, словно два маленьких солнца.

— Шадоу? Не спится? — осторожно спрашиваю я, подходя ближе.

Он даже не вздрагивает — должно быть, почувал мой запах ещё до того, как я вышла. Поднимает на меня взгляд и слегка отодвигается, давая место у костра.

— Нет. Предпочитаю делать это днём, — его голос звучит спокойно, но в нём слышится лёгкая усталость. — А чего тебе не спится?

Присаживаюсь рядом, протягиваю руки к огню. Внезапно осознаю, как абсурдно выглядит эта картина: я, обычная девушка из города, сижу ночью у костра с оборотнем и обсуждаю проблемы со сном. Жизнь точно сошла с рельсов.

— О, да ничего особенного, — нервно хихикаю. — Просто вчера ещё думала, как бы не опоздать на смену на работе, пока мчишься по дороге из леса, где разложила еду для лесных зверушек, а сегодня уже гадаю, не съедят ли меня завтра ваши старейшины. Обычные будни, ничего необычного.

Шадоу фыркает, и я понимаю, что он... смеётся? Ну хоть кто-то оценил моё чувство юмора в этой безумной ситуации.

— Не съедят, — говорит он после паузы. — Если бы хотели — уже бы сделали.

— О, это так утешительно, спасибо, — качаю головой, но не могу сдержать улыбки.

Тишина. Только треск дров и далёкие ночные звуки леса. Вдруг Шадоу поворачивается ко мне, и его глаза в свете костра кажутся почти горящими.

— Тебе правда страшно? — спрашивает он неожиданно прямо.

Задумываюсь на секунду.

— Не то чтобы страшно... Скорее, не по себе от того, что всё так резко изменилось. И ещё... — запинаюсь, — мне интересно, почему вы вообще решили нам довериться? Ведь могли бы просто прогнать. Ну... или съесть...

Шадоу смотрит в огонь, его лицо становится нечитаемым.

— Роуз почувствовала, что вам можно верить. А она редко ошибается.

— Вот как... — тихо говорю я, глядя на языки пламени. — А ты? Ты тоже веришь нам?

Он медленно поворачивает голову, и наши взгляды встречаются. В его глазах — что-то неуловимое, какая-то глубина, которую я не могу понять.

— Пока что... не вижу причин не верить, — наконец отвечает он.

И почему-то эти простые слова заставляют моё сердце биться чуть быстрее. Чёрт, надо бы сменить тему, пока я не начала краснеть как дура.

— А что насчёт Рагнара? Он всегда такой... эм... дружелюбный? — спрашиваю я, вспоминая укус. Зад до сих пор ноет.

Шадю скалится в подобии улыбки:

— О, это он ещё сдержанно себя вёл. Но не переживай - если бы он действительно хотел тебя обидеть, ты бы сейчас не сидела здесь.

— Ещё одно обнадеживающее заявление, — смеюсь я, но почему-то его слова действительно успокаивают.

Мы снова замолкаем, каждый погружённый в свои мысли. Ночь вокруг кажется такой огромной, а наш костёр — таким маленьким и хрупким в этом бескрайнем мире. Но почему-то именно сейчас, в этой тишине, среди всего этого безумия, я чувствую себя... на своём месте.

И знаете что? Возможно, это даже хуже, чем страх. Потому что, если бы я боялась, это хотя бы можно было логически описать. А тут...

Слышу шаги. По сухим веткам, звук треска, а потом к костру подходит этот изверг.

Рагнар зевает, широко раскрывая пасть, а потом кидает на меня взгляд.

— Что вытаращилась?

Рагнар плюхается у костра, растягиваясь на земле с кошачьей грацией. Его почти черная шерсть чуть блестит в огненном свете.

— Ты опять про свою задницу переживаешь? — ухмыляется он, демонстрируя острые клыки. — Расслабься, это был знак внимания. У нас так: укусил — значит, принял в стаю.

Я медленно моргаю.

— Значит, если бы ты меня НЕ принял в стаю...

— Тыгыдык. — Он щелкает зубами, делая многозначительную паузу. — Но не переживай, ты явно невкусная. Слишком нервная, мясо будет жёстким.

Шадю тихо фыркает, подбрасывая в костёр новую ветку.

— Он шутит, — говорит он, но в его глазах читается: «Но не факт».

Рагнар перекачивается на бок и тычет когтистым пальцем в мою сторону:

— А вообще, чего не спишь, двуногая? Тоска по цивилизации замучила?

Я закусываю губу. Нет, ну каков грубиян! Гляньте только на него — разлёгся, как хозяин жизни, и ещё усмешается своим волчьим рылом!

— Ну... Туалетов у вас нет. Интернета. Кофеварки.

Оба оборотня переглядываются.

— Зато есть свежее мясо, — говорит Рагнар, облизываясь.

— И баня в пещере, — добавляет Шадю.

— И охота под луной, — продолжает Рагнар, его хвост начинает метаться по земле.

— И...

Я перебиваю:

— И зубастые психопаты, которые кусают за задницу без предупреждения?

Рагнар заливается хриплым смехом, который больше похож на рычание, и внезапно — так быстро, что я даже не успеваю среагировать — хватает меня за ногу, за штанину, и, повалив на землю, нависает сверху.

— Эй! Какого? — ругаюсь я.

— *Какого?* — передразнивает он меня, сверкая клыками прямо перед моим лицом. — Ты слишком громко думаешь, двуногая. Надо это исправить.

Я замираю. Его горячее дыхание обжигает щеку, а когти слегка царапают кожу через ткань, будто напоминая: «Я могу разорвать тебя в клочья, если захочу».

Шадю, к моему удивлению, даже не шевелится. Просто сидит и наблюдает, будто это самое обычное дело — когда твой сородич прижимает к земле гостя.

— Р-Рагнар... не смешно! — выдавливаю я.

Он наклоняется ближе, и его шершавый язык внезапно проводит по моей щеке — длинно, медленно, мерзко мокро.

— Фу! Ты что, облизываешь меня, как котенка?! — упираюсь в мохнатую грудь руками, пытаюсь его от себя оттолкнуть, да только толку в том мало.

Рагнар фыркает, и его тяжелое тело трясется от смеха прямо надо мной.

— Нет. Как добычу.

— Не похож...

И в этот момент раздается громкий щелчок челюстей прямо у моего уха.

Я вскрикиваю.

Шадоу, наконец, решает вмешаться:

— Хватит. Она и так сегодня чуть не умерла от страха.

Черный волк отходит в сторону, все еще хихикая, и я тут же сажусь, вытирая щеку рукавом.

— Ты... ты... — я задыхаюсь от возмущения.

— Очаровательный? Да, знаю, — он зевает, лениво потягиваясь, будто только что не терроризировал меня.

— Придурок... — выдаю я первое, что пришло в голову.

Вскакиваю на ноги и бреду обратно к домишке, чувствуя, как щёки горят от ярости. Нет, если в компании Шадоу было хоть как-то комфортно, то этот клоун только что добил все остатки моего спокойствия.

За спиной слышу его довольное ворчание:

— Зато не скучно, да, двуногая?

Я даже не оборачиваюсь.

Чёртов волк-провокаатор.

Глава 7

Утро началось с того, что каждая мышца в теле напомнила о себе ноющей болью. Кровать, если это можно было так назвать, оказалась жутчайше неудобной, но хотя бы не пришлось спать на голом полу, за что, видимо, стоило быть благодарной.

Ханна всё ещё спала, свернувшись калачиком рядом с волчонком, её дыхание было ровным и спокойным.

«Как ей удаётся выспаться в таких условиях?» — подумала я, с трудом принимая сидячее положение.

И тут — голоса.

Тихие, но отчётливые. Разговор шёл снаружи, прямо за стеной.

«Нет, ну каков сон! Мне бы такой!» — мысленно завидую подруге, пока осторожно приподнимаюсь, стараясь не скрипеть старыми половицами.

«Они могут быть полезны...» — Голос Роуз. Твёрдый, расчётливый.

Любопытство тут же заставило забыть про боль в спине.

«Полезны? Это про нас?»

Тихо, на цыпочках, подбираюсь к двери, затаив дыхание. Сердце колотится так громко, что кажется, его слышно даже снаружи.

«Но если что-то пойдёт не так...» — ответил чей-то низкий голос, возможно, одного из старейшин.

Я прижимаюсь к деревянной двери, ловя каждое слово.

Что пойдёт не так? О чём они вообще говорят? Ничего не разобрать. Эти ребята не из тех, кого просто так можно подслушать...

Рука сама тянется к дверной ручке, но я останавливаю себя в последний момент.

А если меня услышат?

Но тут раздаётся шорох за спиной.

— Ты чего там подслушиваешь? — сонное бормотание Ханна заставляет меня вздрогнуть.

Я резко оборачиваюсь, прижимая палец к губам.

— Тс-с-с!

Но уже поздно.

Снаружи разговор резко обрывается.

«Вот чёрт».

Через секунду раздаётся неторопливый стук в дверь.

— Проснулись там? — голос Шадоу.

Я замираю.

Ханна, всё ещё не до конца понимая ситуацию, потягивается и недовольно хмурится:

— Кто там ломится в такую рань?

Я лишь глубже вжимаюсь в стену, понимая, что нас точно слышали.

А за дверью раздаётся тихий смешок.

Похоже, утро началось интереснее, чем я ожидала.

Дверь медленно открывается, и в проёме появляется Шадоу. Его жёлтые глаза сузились от утреннего солнца, а в уголке рта играет едва заметная усмешка.

— Рано утром — и уже шпионите?

Я открываю рот, чтобы что-то буркнуть в своё оправдание, но Ханна, потягиваясь, перебивает:

— А что, есть повод для шпионажа?

Шадоу скрещивает руки на груди, изучающе смотря на нас.

— Роуз хочет вас видеть.

— Прямо сейчас? — я моргаю, пытаюсь скрыть дрожь в голосе.

— Если вы уже закончили подслушивать — то да.

Ханна зевает и сползает с импровизированной кровати, разминая шею.

— Идите за мной. И постарайтесь не задавать лишних вопросов по дороге.

Я бросаю последний взгляд на волчонка, который теперь сладко потягивается на опустевшем ложе, и неуверенно следую за ним.

Снаружи лагерь уже оживает. Оборотни передвигаются между хижинами, кто-то чистит шкуры, кто-то разводит костёр для утренней трапезы. Некоторые бросают на нас любопытные взгляды, но быстро отводят глаза, стоило Шадоу бросить предупреждающий взгляд. Похоже, он тут и правда большая шишка. Значит, будущий вождь, да?

Мы идём туда, где вчера проходил «суд».

Роуз ждёт нас на большом камне. Её серебристая шерсть переливается в лучах восходящего солнца, а взгляд кажется ещё пронизательнее, чем вчера. Она снова волчица. Видимо, эффект и правда не долгий. А может, ей так просто сподручнее.

— Вы спали хорошо? — её голос звучит почти доброжелательно, но в нём есть лёгкая насмешка. По-любому знает о нашей ночной стычке с этим придурком Рагнармом.

— Как на облаке, — бормочу я.

Роуз улыбается, показывая острые клыки.

— Отлично. Я поговорила со старейшинами... и они готовы позволить вам приходить сюда. Если можете быть нам полезными... а вы можете.

Ханна настороженно поднимает бровь:

— И что именно мы должны делать?

Роуз улыбается ещё шире.

— Ничего особенного. Уговор остаётся прежним... вы помогаете нам с провиантом...

— А что мы получим? — спрашивает подруга, перебив волчицу, пока та не закончила.

Боги мои! Да мы уже молиться должны были за то, что живы! А она ещё спрашивает «такое».

Роуз слегка наклоняет голову, и её уши дёргаются в забавном жесте, будто она сама удивлена такой наглости.

— Вы получите нашу защиту. И право приходить сюда, когда вам это будет нужно.

Я переглядываюсь с Ханной.

«Защита оборотней? Звучит... полезно.»

Но Филлипс, кажется, не собирается сдаваться.

— И еду? Потому что, знаете ли, таскать провиант в обе стороны — не самая удобная схема. Мы тогда сами останемся голодными... не миллионерши же

Шадоу фыркает, а Роуз медленно облизывает клык, словно обдумывая, стоит ли просто съесть нас сейчас и не мучиться.

— Хорошо. И еду. Но только за работу.

Ханна удовлетворённо кивает.

— Тогда договорились.

Я смотрю на неё с восхищением и ужасом.

«Какого чёрта она только что выторговала?»

А Роуз тем временем спрыгивает с камня, её лапы бесшумно касаются земли.

— Шадоу покажет вам, что нужно делать. И... постарайтесь не разочаровывать нас.

В её голосе звучит недвусмысленное предупреждение.

«Потому что в следующий раз никто не станет вас слушать.»

Шадоу жестом указывает нам следовать за ним.

«Ну что ж... похоже, мы теперь официально работаем на оборотней»

Интересно, чем это для нас обернётся? И... как долго мы еще проживем?

Шадоу ведёт нас по узкой тропинке вглубь леса. Солнце едва пробивается сквозь густые кроны, оставляя на земле причудливые узоры из света и теней.

— Первое правило — не отставать, — бросает он через плечо, не замедляя шаг.

Ханна тут же подхватывает темп, а я, спотыкаясь о корни, едва успеваю за ними.

— А второе? — задыхаясь, спрашиваю я.

Шадоу оборачивается, и в его глазах вспыхивает жёлтый огонёк.

— Не задавать глупых вопросов.

Глава 8

Мы выходим на поляну, где стоит несколько полуразрушенных деревянных ящиков.

— Ваша первая задача, — Шадоу пинком опрокидывает один из них, и оттуда вываливается ржавая металлическая сеть. — Разобрать капканы. Быстро и тихо.

Ханна наклоняется, осторожно поддевая край сетки.

— И что, мы теперь ваши личные сапёры?

— Если хочешь так это назвать, — Шадоу пожимает плечами. — Охотники ставят их по всему лесу. Мы находим. Вы обезвреживаете. Не все могут обращаться. И случаи с Роуз могут повториться.

Я сжимаю кулаки.

— А если мы случайно... ну, знаете...

— Щёлк? — он скалится. — Тогда Роуз будет очень недовольна. А я — тем более.

Отлично. Просто замечательно. Стоп, что? Он будет недоволен тем, что мы поранимся? Кажется, такая формулировка задела только меня. Ханна же уже методично разбирает ловушку, её пальцы движутся уверенно, будто она делала это всю жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.